

- Сергей Юрьевич, когда я брал у вас интервью два с лишним года назад, в ваших планах были постановка "Демократии" Бродского и собственной повести "На дачах", вы "приглаживали" к молодым драматургам Грешинной, Юрьеву, Железнову. А получились совсем-совсем инос?

- Знаете, сегодня я гуляю в Лиелупе вокруг дома, в котором мы, москвовцы, живем во время гастролей. И за час примерно нашел все то, что так мучительно искал в Эстонии. Всю натуру для фильма. Вы мне напомнили, это моя повесть "На дачах". Я бы назвал ее "Прощание с Прибалтикой" ТЕХ времен. Не будем о ней сожалеть, но не будем забывать, что были ТА Прибалтика, ТЕ взаимоотношения, ТОТ воздух... И мне хотелось снять такую картину. Но ситуация так изменилась - с деньгами, с ценами, с не очень понятными отношениями пограничными, особенно в Эстонии, - что я не решился снимать кино и занялся другими делами. И вот именно сегодня я увидел, что в Латвии все тот же широкий берег...

- Значит, можно возобновить работу?

- Не знаю... Нужны чья-то активная помощь, желание со мной сотрудничать. Пока их нет, все остается лишь планами.

...Многое изменилось. Мы с вами говорили весной 90-го, когда заканчивалась моя картина "Чернов и Чернов", когда я собирался активно заниматься кино. Но фильм мой показали только по телевидению. Вышел он как раз в то время, когда наши новые отечественные картины стали исчезать бесследно, хотя нет уже "попки". Просто не покупаются, нет в прокате. А потом, признаюсь, пришло разочарование. И кинематограф во мне, и мое разочарование в кинематографе. Нет у меня сегодня азарта по отношению к кино, и моя основная линия жизни, связанная с театром, так и остается основной. Хотя снимаюсь больше, чем всегда, но все это уходит в воздух. Я даже материалов большинства своих новых картин не видел. Только за этот год у меня три фильма - одесский, польский и французский.

- Небольшой репортаж со съемок французского давало "Останкино".

- Да, "Счастье" он назывался... Все это стороной где-то проходит, и бог с ним... Но заканчиваю свой вам отчет.

Прошлый год я провел во Франции, играл в спектакле "Дибук" на французском языке во французском театре. Это дедо было основным по времени и, может быть, самым важным по изменению моих целей. Именно во Франции я в полную меру ощутил, что принадлежу к русской театральной школе. Что имею опыт 35-летнего существования на профессиональной сцене плюс еще лет пять активного существования на сцене любительской (но наша любительская сцена - высокое дело). Итого 40 лет, много очень. И я понял, что должен, обязан все сформулировать. Мало того - расспросить коллег, нет ли у них таких же ощущений, что мы должны собраться, чтобы сохранить то, чему нас учили. И, как говорится, передать дальше. Не в плане мистическом ("создать себе ученика"), а в плане реальном. То есть чтобы театр, который мы любим, существовал. Чтобы в этот театр пошли зрители.

Я сколотил свою "Артель артистов". Это не единая группа под общей крышей, а объединение именно художественного порядка. Идея состояла в том, чтобы собрать актеров разных театров, театральных школ, даже видов искусства для создания спектакля. И мы сделали "Игроков-XXI". Гоголевский спектакль, перенесенный в современность, стоящий на крепких основах именно психологического театра. Театра характеров, взаимоотношений. Театра прежде всего актера. В 92-м мы выпустили этот спектакль, играем на сцене МХАТа, возили в сентябре в Ленинград - теперь уже Санкт-Петербург... Шел он примерно 40 раз, и хотелось бы выдержать марку и сыграть его 60 раз, этого достаточно.

- Вам пришлось заменить в нем Евстигнеева?

- К великому сожалению. Вообще собирать всех актеров регулярно вместе оказалось невозможно.

Вспоминаю и еще одно путешествие во Францию. Там проходил фестиваль поэзии, посвященный России. Аллу Демидову и меня пригласили выступить и поработать с актерами. Мы взяли по группе. Я пытался объяснить молодым французским актерам нашу с ними разницу. Я говорил, что они могут оставаться в своей "школе", но тогда зря меня пригласили. Если же есть желание узнать о нашей, русской, я погляжу, что у вас получится, даст ли она что-нибудь. Сейчас стали приходить письма от моих

Почему я и делал "Игроков". "Игроки" - пьеса про маски, про мнимости. И хотелось показать, что мнимости, которые так легко, комедийно изобразил Гоголь в начале XIX века, абсолютно применимы к концу XX и явно могут перейти в XXI. Это основное ощущение от нынешнего момента. Очень много у нас появилось похожего на "другую жизнь". Но, как сказано у Марка Твена, - часы были совсем как настоящие, только не шли. - Но вроде учиться чему-то полезно уже пытаемся...

- Вроде сейчас учатся. Я, правда, это не замечаю сам, но по телевидению рассказывают, что учатся. Менедж-

И пока что наши депутаты, наши руководители все время кричат: только не трогайте их, только дайте им, пусть они делают! Я даже не берусь возражать. Наверное, это самая отвратительная в плане моральном часть пути, по которому мы все пойдем, и я готов идти вместе со всеми. Но прославлять его не готов и не буду. Все равно надо видеть, что это неприятные черты в людях. Обман, который впереди всего, который дает возможность (я могу произвести это слово, являющееся главным цветом дня) мародерства. Мне рассказывают, что состояния возникают из большой энергии людей, но я понимаю, что все-таки не

прошло времени, а разобравшись, собственно, не могут, кто прав, кто виноват. Но ясно одно, что имели место незаконные обстоятельства и назад уже не повернуть. И сколько потом ни делай ("А вот мы опять проведем выборы, как бы тех не было!"), все это сказывается. И ничего не получается.

Поэтому добавлю в довольно мрачно складывающуюся картину к слову "мародерство" все то же слово "волюнтаризм". Явление, с которым мы вечно боролось и которое, по моему, теперь даже развилось. И тут я спросил бы вас, я не понимаю... Меня волнует, мучает суд над Парфеновым. Я абсолютно доверял тому, что если латыши через всю страну поехали, чтобы схватить человека, наверное, он совершил нечто ужасное. Но вот идет и идет суд, а то, что доносится до нас, - что за странность такая? Ничего не происходит, не получается. Тогда это тоже волюнтаризм?! Тоже непозволительное нарушение закона? Чем это лучше выкрадывания генералов из Парижа, которые устраивал Сталин? Опять заданность. Я мог бы и про Россию подобные примеры привести, но у нас мало времени и я сверну тему.

- К сожалению. И места на газетной полосе. Поэтому рассказывайте, пожалуйста, чем в самое последнее время занимаетесь.

- Мы хотим отметить юбилей великого драматурга Эжена Ионеско. Делаем пьесу "Король умирает". Она идет с 26 ноября во МХАТе, пять дней подряд. Играть будут русские, московские, актеры на французском, большую пьесу. Во имя того, что оригинал настолько изумителен, что перевод его удивит.

- Режиссура?

- ...не моя. Я играю роль короля. Роль громадную, очень мной любимую, о которой я мечтал. Ставит Патрик Роллен, может быть, впервые занявшийся театром, принадлежащий к другой профессии. Но зато француз и человек по-настоящему культурный.

Возможность для этой работы, длившейся более полугода, ради пяти спектаклей дал Французский культурный центр, который необыкновенно активно действует в Москве. И мне кажется, видя будущее России, хочет противопоставить английскому и американскому влиянию свое, французское, не жалея ни усилий, ни денег. Вот что составляло мою жизнь на сегодняшний день, но было прервано гастролями в Риге.

- Вы привели программу "Русская чертовщина" и рассказывали, что сделана она к миланскому Фауст-фестивалю, придуманному режиссером Стреллером. Пушкин, Гоголь...

- Я ее чуть расширил здесь. Название предназначалось для фестиваля. Но вот программа застряла. После Италии я ездил в Израиль и попробовал объявить ее именно в таком виде - "Русская чертовщина" для Израйла. И там нашел своих зрителей, казалось, исчезнувших. Но, когда вернулся весной домой и мы стали играть "Игроков", я увидел, что этот очень дорогой спектакль собирает зал битком перенасытый. И тогда попробовал дать больше своих концертов. Раньше я давал 10-12 в год, а теперь получается около 40. Я поехал с ними по стране...

- А не собираетесь ли "Игроков-XXI" привезти в Ригу?

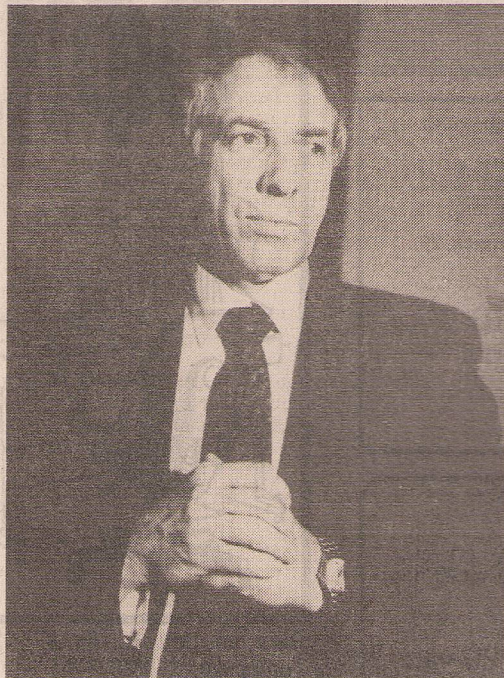
- "Игроки" стоят дорого, но никак не дороже гастролей театра им. Моссовета. И могут принести доход, который кем-то может быть взят и употреблен в общественных целях. Но все это опять же кто-то должен сделать. Я такими организаторскими качествами похвастаться не могу...

Но вообще, вспоминая весь этот год, к двум словам ужасным: "мародерство" и "волюнтаризм", я могу добавить еще третье слово - "чудо". А чудо состоит вот в чем. Казалось, развалится связь театра со зрителем. Она не развалилась. Она существует. Поэтому есть основание жить и действовать.

- Спасибо за беседу. Надеемся, продолжение следует...

Интервью вела
Наталия МОРОЗОВА.

Фото А. ШУТЕНКОВА.

Со знаменитым актером нам удалось встретиться в дни недавних рижских гастролей его театра - театра им. Моссовета

Встреча для вас СЕРГЕЙ ЮРЬСКИЙ: "А третье слово - "чудо"

учеников, пишут, что им это интересно. Во всяком случае имеет смысл - продолжается самоосознание.

Возвращаясь к мысли о русской театральной школе... Здесь, в Риге, я хочу вспомнить о великом актере Михаиле Чехове, который для меня эту школу и воплощает. И который, хотя и имел успех в Риге, именно здесь впервые ощутил, что, покинув Москву, он покинул своего зрителя, своих коллег, свое понимание театра. Он здесь уже понял, что непусто будет ему. Далее, в Германии, он испытал необыкновенно трудные времена. Хотя пробивался иногда к успеху, но, видимо, вполне осознал, что его актерская деятельность кончена, да и режиссерская тоже. Осталось одно - школа. А вот школу Запад у него взял, взяла Америка.

И тут я хочу сказать о проблемах, связанных для меня именно с Михаилом Чеховым. С одной стороны, Чехов не нашел своего зрителя, несмотря на то, что был гениальным актером. Не нашел ни в Европе, ни в Штатах. Великое несчастье для актера - потерять своего зрителя и пытаться искать другого. Второе. Чехов сейчас у всех на устах. В Москве возник Центр Михаила Чехова, организуются курсы, лекции про Михаила Чехова, симпозиумы... Происходит то, чем очень богато наше время: происходит подмена.

Но Чехов-то рос из двух корней. И главный, конечно, - Станиславский. Это мхатовское ощущение театра, стоящее на литературе, на мощной драматургии. Тогда как "эвристика" чужаается драматургии. Это скорее легкие касания не очень внятных чувств; красота, отделенная от момента этического; красота как взлет к Богу не очень определенный. И вот именно на этой стороне дела, мне кажется, паразитируют многочисленные школы. А называется все именем Чехова. Потому что фамилия хорошая, всемирно известная, русская. Часто люди, связанные с Центром Чехова, не разбираются, о ком идет речь, уже служа этому искусству! Просто как-то модно, красиво, одна из примет времени.

менту, всем этим наукам экономико-торговому. Ну, будем надеяться...

- Мне рассказывали знакомые москвичи, что видели вас, кажется, на каком-то из митингов в августовские дни прошлого года. Ваши нынешние соображения по поводу тех событий? Вообще. "Был ли мальчик" или просто смена декораций?

- Не помню, говорил ли вам два года назад, что я полагаю - свобода у нас есть. Я и сейчас вижу, она есть. Но свобода действий все более ограничивается во всяком обществе по мере того, как оно становится все более уверенным в себе, организованном, а впоследствии и законным... Вот законность у нас еще не началась, но когда начнется, это будет, я думаю, не развитие свободы, а ее ограничение. И это будет только хорошо. Потому что свобода в формах нынешних часто отвратительна. Человек, который в поезде матерится не будучи пьяным, мог быть остановлен соседями, а в особом случае можно было вызвать начальника поезда. Сейчас нелепо обращаться к нему. Я столкнулся с этим в поезде Москва - Рига. Два человека кричали матом. Не ругались, просто так "разговаривали". Это была свобода. Потом удалось остановить их. Но интересен сам факт. Это люди, принадлежащие, несомненно, к разряду обеспеченных и даже, по всей видимости, "руководяще-интеллигентных". Они проявляют свои качества. Такими они были и до "перестройки". Они тоже были начальниками, я их узнаю. Они тоже матерились и тоже думали матом.

- И всем говорили "ты"...

- И говорили "ты", и думали матом! Но они знали время и место. Опасались. Теперь они получили свободу. Вот так она выразилась. Вот эта свобода выявляет себя, проявить себя в полную меру, с одной стороны, открывает в людях некоторые дарования, активность, энергию, которая была скована. С другой стороны, оказывается, что часто эта энергия отвратительна, полна чудовищ, злобы, полна агрессии, опасности для окружающих. Но пока есть свобода и признание права сильного.

столько из энергии, сколько из обмана окружающих. При чем окружающие могут создать доход для тех, кто их обманывает, но не в таких же масштабах, как те капиталисты, что создают нынче в кратчайшие сроки. Подозреваю, что все это создается даже не из грабежа населения, а из разворовывания одного из самых богатых государств мира. Разворовывания в темпе, похожем на обвал в горной местности...

А тогда, в августе, я был вообще не в Москве, приехал чуть позже. Был на похоронах, прошел весь путь, от митинга и до конца.

- Так что увидели и поняли именно вы? У разных людей очень разные, порою абсолютно противоположные ощущения. А была кровь...

- Кровь была страшная, конечно. И вместе с тем кровь была... странно не по поводу. Я побывал на этом месте, выслушал рассказы очевидцев (или выдававших себя за очевидцев). И чем больше они рассказывали, тем меньше я понимал. Что за странность - все не соответствовало одно другому. Как те часы марктовские. Это была трагедия, потому что люди погибли. Но той возвышенности, когда за ясную цель - ясная гибель, и навсегда нужно это помнить, здесь не произошло. Трагедия замутнена странно происшедшего тогда.

Я стремился в Москву, у меня не было никаких сомнений, что может возникнуть власть негодяев. Что эта власть будет ненадолго, хотя не предполагал, что на три дня. Но вместе с тем очень скоро пришло чувство добавочной опасности, возникшее именно из августовских дней. Именно в России я увидел, что прямое действие - вышедшая на улицу толпа - могут повернуть события в противоположную сторону. И если уметь этой толпой манипулировать, в общем-то можно жить без законов.

Осенью 90-го я побывал в Грузии и вынес абсолютно ясное ощущение, что не могу разделить восторга по поводу режима Гамсахурдии. Однако странные обстоятельства свержения Гамсахурдии и опять-таки прямое действие вышедшего на улицу народа... И вот сколько уже